

С.С. Илисавский (2 курс, ФМФБИ), К.Е. Пряхин, к.ф.н., асс.

СПЕЦИФИКА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА О СУЩНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Историческая наука, преследующая цель обеспечить познанию событий прошлого особую предметную область исследования, учит нас рассматривать человеческую историю как целостный, внутренне закономерный и направленный процесс развития общественных отношений с вытекающим отсюда характером взаимосвязи между отдельными фактами истории. Такой подход в отличие от онтологического можно было бы назвать тривиальным. Онтология, напротив, стремится выявить возможность исторического познания и самой истории исходя из её сущностного определения, напрямую связывая последнее с бытием субъекта исторического познания, то есть человека.

Одно из возможных сущностных определений бытия человека - это жизнь. Камни не имеют истории, человек же в процессе проживания своей жизни становится историческим существом, наполняя историческим смыслом и мёртвые камни, коли они несут на себе печать времени, память об ушедших поколениях некогда живших людей. Однако на этом ли пути ждёт нас искомый смысл истории, ведь феномен жизни сколь многослоен, столь и неуловим в качестве объекта исследования? И неизвестно ещё, что для чего является определяющим началом: история для жизни или жизнь для истории. Ясно одно: науки о жизни, как то биология, психология и та же история не дают ответа на поставленный вопрос.

Попробуем феноменологически раскрыть явление жизни в аспекте повседневного опыта, не редуцируемого к иным познавательным процедурам. Во-первых, пространство «жизненного мира» изначально уже поместило бытийное основание жизни внутри себя. Это такое бытие, которое проживает жизнь изнутри того мира, которым оно владеет. Проще говоря, это мир моей жизни, который только я могу принять и признать своим. И он дан мне не как объект теоретического постижения, но как окружающий мир, в котором я оглядываюсь и что-то делаю. Ближайший мир - мир практических забот. Во-вторых, жизнь определена сосуществованием многих феноменов, по бытийному основоположению сходных с моею жизнью. Это - другие люди, встречающиеся в моём мире, где они значимы именно как Другие. Пространство - для нас друг с другом, и мы тут друг для друга. Таким образом, бытие в мире есть совместное бытие друг с другом. В-третьих, я сам естественным образом закрыт для познания самого себя; я не дан себе самому так, чтобы мог созерцать свои собственные переживания. Иначе говоря, моё бытие сокрыто от меня самого в качестве объекта.

Что же мы можем знать о бытии кроме того, что жизнь каким-то образом определена им? Постичь бытие можно, лишь руководствуясь идеей целостности его. Но мы замечаем, что жизнь никогда не бывает представлена как целое, она в существенной мере всегда ещё не завершена; целостность же не может обойтись без законченности. Однако по окончании жизни её просто нет - жизнь прошла. Жизнь другого может предстать в целостности и завершённости, но эти целостность и завершёность определяют нашу позицию вневходимости - по ту сторону смысла. Смерть как крайний предел жизни - моей только жизни - открывает пути продумывания смысла бытия из абсолютного Ничто. Откровение смерти, представляющее в модусе страха перед открывшимся ничто, наставляет, что смерть как то, о чём ведаёт сама жизнь, не есть будущее событие, вырастающее изнутри мира; смерть есть нечто такое, что я есмь сам. Смерть - самая крайняя

возможность самой жизни, предстояние к которой определяет способ, каким задано моё бытие в мире - это бытие-к-смерти.

Теперь, из понимания собственной конечности в предстоянии Ничто попробуем прояснить, что же феноменологически нам открылось. В повседневной жизни мы живём из неопределённости, которая по-настоящему и владеет нами. Этот способ бытия, будучи обыденным, тяготеет к отпадению от собственных основ - бытия в целом как такового. Он проявляется в устраивании дел в мире, в застилании себя самого; эта тяга есть бегство в забвение бытийного первоисточка - бытия-к-смерти. Такое несобственное бытие, занятое заботливым устройением дел в мире через обхождение с вещами, и есть первичная реальность нашей жизни. Обыденная реальность существования, затерянного в своей неопределённости, скрадывает неотвратимую возможность смерти, оттесняет её на второй план.

Напротив, выстаивать перед смертью как возможностью означает так обладать ею здесь, чтобы она предстала в чистоте того, что она такое - неопределённое в своём «когда», несомненное в своём «что» (предтечь к смерти). Из понимания собственной конечности, того, что когда-нибудь уже не будет мира, изнутри которого я мог бы жить, рождается страх перед нереализованностью своего бытийного проекта, вина за отпадение от бытийных истоков и за бегство в мир повседневной реальности. Страхом и виной, понятой как зовущий к подлинному бытию голос совести, определена решимость вырваться из тяготы обыденных представлений, решимость вернуться к самобытному основанию своего собственного бытия. Бытие Dasein, решающееся выбрать подлинные возможности самобытия, выбирает и себя и самый выбор, поскольку само определяется этим выбором в единстве вины и ответственности.

Событием бытия, открывающего свои подлинные основания бытию Dasein, моему бытию, высвечивается характер временного определения последнего. Решимость поступать, действовать в свете возможностей самореализации перед лицом крайней возможности умереть указывает на временной аспект будущего. Зов вины и заботы, направляющий из абсолютного прошлого поступок, который в свою очередь признаёт своим выбором совесть в качестве единственного ориентира для себя, открывает и иной аспект временности. Понятая из настоящего сущность призыва и реализующаяся в поступке как возможность обретения подлинного основания самобытности, представляет единство трёх аспектов - будущего, прошлого и настоящего - как бытийного основания времени вообще.

Наше человеческое время определено событийным характером временности как бытийного основания всех возможных его аспектов. Сущность исторического времени раскрывается событийным характером призыва к бытию — то есть поскольку призыв услышан и в понимании вины и ответственности поддержан решимостью к Поступкам. Человек единственный из живых существ понимает сущность исторического, ибо открыт навстречу такому призыву в своём бытии. Именно причастность фундаментальному событию жизни, открывающему подлинные основания бытия Dasein, позволяет увидеть в историческом познании глубинную интенцию понять как возможно такое событие, как человек.